

Пролог

Кара

Ты опоздала. Темнота озаряется вспышкой падающих угольков от щелчком выброшенной сигареты. На секунду эта вспышка притягивает мой взгляд, а затем я снова смотрю на мужчину в гротескной маске кабана. Он стоит, прислонившись к одной из огромных мраморных колонн, составляющих фасад здания. Я никогда не видела подобной архитектуры раньше. По крайней мере, вблизи. Такое ощущение, что это здание перенеслось сюда прямиком из Древней Греции. Так странно, что у двенадцатифутовой¹ двери, перед которой я стою, нет ручки, и, насколько я могу разглядеть в темноте, на ней вырезаны замысловатые узоры, которые переплетаются друг с другом.

— Послушай, я знаю, что...

— Мне не нужны твои оправдания. Тебе придется вернуться в следующий раз и быть более пунктуальной.

Я заламываю руки и хмуро смотрю на него.

¹ Более 3,5 м.

— Я опоздала всего на пять минут...

— Пять минут — это целая жизнь. Ты знаешь, что может сделать обычный человек за пять минут?

Потушив сигарету ногой, мужчина выпрямляется и неторопливо выходит прямо под луч лунного света. Теперь сквозь отверстия в маске я вижу, как его глаза будто сверлят меня.

— Ты хочешь победить систему? Хочешь прокрасться внутрь?

Это похоже на испытание или ловушку. Я пытаюсь выдержать его взгляд, хотя предпочла бы этого не делать. По моей коже бегут мурашки, когда я внезапно понимаю, что мы здесь совершенно одни: я и этот незнакомец. Может случиться все что угодно.

— Нет.

Он вздергивает подбородок.

— Что ж, ладно.

Что ж, ладно...

Мужчина усмехается и, повернувшись, уходит, исчезая за углом здания. Я же спускаюсь по мраморным ступеням к траве и тихо вздыхаю. Кажется, все мои грандиозные планы увидеть «Олимп» пошли прахом.

До меня доходили слухи об этом месте. Хотя это были не совсем *слухи* — скорее, сплетни, которые распускали девушки, живущие по соседству со мной. Когда я осторожно расспросила их, они упомянули лишь этот адрес, маски и то, как все одеваются, готовясь принять участие в здешних мероприятиях. Так как я больше ничего не узнала от них, у меня возникло ощущение, что все остальное должно оставаться тайной.

Как итог — я стою одна, в окружении припаркованных машин, в плохо сидящем на мне черном платье и неудобной золотой маске, пока люди внутри здания

получают удовольствие от... что бы там ни происходило. Я вздыхаю и достаю свой телефон из клатча, размер которого позволяет вместить в него удостоверение личности, телефон и немного наличных, их мне должно было хватить для того, чтобы добраться до «Олимпа», а затем оплатить такси до дома. Только вот есть проблемка — в моем телефоне нет приложения службы такси.

Как я могла это упустить?

Снова посмотрев на «Олимп», я вижу склон слева от него. Заинтересовавшись тем, что может находиться за ним, я направляюсь туда, поглядывая на свой телефон через каждые несколько шагов. Мой единственный вариант попасть домой — это вернуться к главной дороге и надеяться, что кто-нибудь остановится. А так как любой выбранный мной путь слишком непредсказуем, я поправляю маску, снимаю туфли и, решив сойти с подъездной дорожки, ступаю на траву. Почувствовав прохладу травы босыми ногами, я заворачиваю за угол «Олимпа» и поднимаюсь на небольшой холм. На этом холме кажется, что луна светит намного ярче. Огромная и желтая, она висит слишком низко в беззвездном небе и придает всему вокруг жутковатый вид. Что-то слева привлекает мое внимание, и я замечаю шесть человек, образующих маленький круг. Они стоят в стороне, и люди, входящие в «Олимп» или покидающие его, никак не могут их увидеть. Я делаю шаг вперед, собираясь окликнуть их, как вдруг один из мужчин бросается на другого. Никто не кричит — никто даже ничего не говорит. Кажется, они совсем не удивлены внезапной стычкой, но мужчина, на которого напали, наклоняется вперед, хватаясь за живот, а затем падает. Какое-то время остальные просто смотрят на него сверху вниз, а потом один из них

пинает упавшего, переворачивая на спину, и я вижу, как что-то торчит у него из живота.

Это нож?

Я прикрываю рот, чтобы сдержать крик, в ужасе от того, что парня только что ударили ножом, а пятеро других кажутся абсолютно невозмутимыми. Ужас наполняет меня еще больше, когда один из них наклоняется и хватается парня за руки, а другой подходит и вытаскивает нож. На металле поблескивает влага, отражая лунный свет. Мой желудок скручивается узлом, и я борюсь с подступающей к горлу желчью, пока раненого оттаскивают в сторону. Остальные смотрят, как эти двое исчезают из виду за углом «Олимпа».

Теперь их стало четверо.

Мне срочно нужно сообщить об этом в полицию или хоть кому-нибудь. Я понимаю, что, скорее всего, выделяюсь на этом холме, как маяк, но все равно подкрадываюсь ближе, пригибаясь к земле. Я думаю о том, как полиция сможет поймать их, если я не смогу сообщить никаких правдивых подробностей. Поэтому, держась поближе к траве и упираясь одной рукой в землю, чтобы не упасть, я останавливаюсь всего в двадцати футах от четверки. Этого расстояния достаточно, чтобы разглядеть их лучше. Трое стоящих носят маски, будто они только что вышли из «Олимпа», а четвертый — кажется, постарше, более высокий и худощавый, с аккуратной бородкой — пришел без нее, но, похоже, его это несколько не беспокоит.

— Ты уверен в этом, Аид? — человек без маски качает головой. — Он был в моем кругу.

Тут я замечаю, что у двоих из них маски в виде черепов с рогами, но они заметно отличаются друг от друга.

Даже в лунном свете я могу разглядеть золотые полосы на обнаженной груди первого мужчины, а его ма-

ска — это череп оленя или какого-то другого животного с длинной носовой костью. Второй мужчина похож на самого дьявола. Его маска представляет собой бледный череп, похожий на человеческий, только без нижней челюсти, а из его висков торчат черные рога.

Мужчина с маской из человеческого черепа хмыкает.

Это Аид?

— Мы не ошибаемся.

— Конечно, — другой мужчина достает что-то из кармана и бросает третьему, в красной куртке.

Поймав пачку наличных, парень перебирает их большим пальцем и кивает.

— Приятно иметь с вами дело, — говорит человек без маски.

— Аполлон! — раздается голос у них за спиной, и я замечаю теплый свет, льющийся будто изнутри «Олимпа». — Они готовы.

Мужчина в маске животного поворачивается к дверному проему, расположенному в темной нише сбоку от мраморной стены, и машет новоприбывшему. Дверь, которую я не заметила ранее, со щелчком закрывается. Затем мужчина оборачивается, и его взгляд находит меня.

Вот черт!

— Да у нас тут зрители, — сообщает он двум другим.

Я выпрямляюсь, не обращая внимания на холод, пробегающий по моему позвоночнику, потому что... да, я облажалась. С таким же успехом я могла просто подойти к ним ближе и заглянуть каждому в глаза, верно? Я научилась терпеть подобные наказания, хотя знала, что мужчины ненавидят, когда ты продолжаешь смотреть на них даже после того, как они попытались тебя унижить. Я узнала это на собственном горьком опыте. Аид неторо-

пливо приближается ко мне, сокращая расстояние длинными шагами. Глаза под его маской затенены, а полные губы поджаты, выдавая недовольство. Когда я смотрю на него, в моем животе будто извиваются змеи.

— Простите...

Мое дыхание замирает, когда он останавливается прямо передо мной. Расстегнутая рубашка демонстрирует идеальный пресс. Я смотрю на его ботинки, а затем снова на лицо. Даже в ужасной маске он великолепен и, совершенно очевидно, смертельно опасен. Уголки губ Аида приподнимаются в ухмылке, будто он знает, какой эффект производит на женщин, однако за всем этим скрывается что-то жестокое. А вскоре к нам присоединяются двое других: человек в красной маске и Аполлон. Видимо, это имя ему дано в честь греческого бога солнца и света. Однако я не уверена, что оно ему подходит, потому что у него явно есть и темная сторона. И последний мужчина... в красном. По его груди стекает кровь, хотя я уверена в том, что она нарисована. Я не знаю, кто он такой, но его образ пропитан насилием. Я чувствую это своим нутром. А затем я снова смотрю на Аида — короля подземного мира.

Я пришла в это место, чтобы попасть в «Олимп», а теперь я стою перед богами, которые правят им.

Меня снедает любопытство.

Вдруг Аид поднимает руку, будто хочет коснуться моей щеки, но вместо этого он сжимает пальцами край моей маски и срывает ее. Атласные ленты легко рвутся, и золото спадает с моего лица. Я автоматически закрываю его руками. Мои щеки пылают, во мне борются смущение и страх.

Он роняет маску на землю и сминая ее ногой, а затем наклоняется вперед:

— Ты знаешь, кто мы такие?

— Догадываюсь, — отвечаю я, вздрагивая от грубости его тона.

Он улыбается. Но это не радостная улыбка — скорее, в ней можно прочесть: *«Хочешь, чтобы я сделал чего похуже?»* Такая улыбка предназначена противникам, а не друзьям.

— Что ты видела?

— Ничего, — я отступаю назад, но Аид следует за мной, вновь останавливаясь рядом.

— Почему я тебе не верю?

— Пожалуйста, — шепчу я, — я ничего не скажу.

— О чем? — он наклоняет голову. — О чем ты можешь сказать, если ничего не видела?

— Простите... — мое горло сжимается, и я продолжаю пятиться назад, крепко сжимая клатч и туфли.

Мне не следовало приходиться сюда. Нужно было оставаться в своей квартире и пробовать завести друзей при дневном свете. Или подождать, когда я выйду на работу, и подружиться с кем-нибудь из коллег.

Какая же я дура.

— Она собирается сбежать, — говорит третий.

Я смотрю через плечо Аида на человека в красной маске.

— Позволь ей, — говорит Аполлон.

В его руке все еще находится нож, лезвие которого окрашено кровью. Это он ударил ножом того мужчину. Убил его.

Их взгляды слишком пристальны, и они правы — я хочу убежать. Хочу убежать как можно дальше отсюда, но, дрожа всем телом, могу лишь стоять на месте. Однако мой самоконтроль лопается, будто мыльный пузырь, стоит Аиду отвести от меня взгляд и посмотреть на «Олимп».

Развернувшись, я на всех парах мчусь вниз по склону, но вместо того, чтобы свернуть на дорогу, я лавирую между машинами, направляясь к лесу. Бежать босиком не лучшая затея, но у меня нет времени останавливаться, тем более на открытом пространстве.

К тому моменту, как я миную последний ряд машин, я уже тяжело дышу и на миг задумываюсь: отпустят ли они меня? А затем в ночи раздается вой. Мне совершенно очевидно, что это человеческий голос, будто один из троих объявил охоту на добычу, которой стала я. По моему позвоночнику пробегают мурашки, и я заставляю себя бежать быстрее. Мне кажется, что я слышу, как они мчатся за мной. Я слышу их смех и топот, хотя, возможно, это всего лишь игра воображения, потому что единственное, что я действительно отчетливо слышу, — это свое прерывистое дыхание. Я вижу просвет среди деревьев и бегу к нему с колотящимся сердцем, которое готово вырваться из груди. Лес погружает меня во тьму, и тропу, по которой я бегу, совершенно невозможно разглядеть. Кроны деревьев загораживают весь лунный свет, а камни впиваются в подошвы ног. Я вздрагиваю, когда что-то острое вонзается в мою стопу.

Нашупав кнопку фонарика в телефоне, я нажимаю на нее как раз в тот момент, когда в темноте раздается еще один вой. Вздрагивая, я роняю телефон, и яркий свет прочерчивает дугу в воздухе. Фонарик выключается, и мне приходится встать на четвереньки, чтобы найти телефон на тропинке. Паника сдавликает мое горло, пока я судорожно копаюсь в опавших листьях и сосновых иголках. Но вот мои пальцы касаются гладкого экрана телефона, и я быстро проверяю его на наличие повреждений. Он цел. Поднявшись на ноги, я понимаю, что в лесу воцарилась тишина, из-за которой стало еще

хуже. Потому что я понятия не имею, где они находятся. Я больше не слышу ни воя, ни шагов. Я изо всех сил пытаюсь отдышаться, успокоить сердцебиение, облегчить давление в легких, одновременно пытаюсь понять, преследуют ли они меня до сих пор или уже загнали в ловушку, и я оказалась там, где им нужно. Решив, что мне нужно продолжать двигаться, я освещаю телефоном тропинку и кричу, когда вижу силуэт Аида, шагающего ко мне. Отступая, я спотыкаюсь обо что-то и с шумом падаю. Игнорируя вспышку боли в позвоночнике, я пытаюсь отползти назад.

— Пожалуйста, не надо...

Я снова пытаюсь сбежать, но чьи-то руки хватают меня за плечи и поднимают с земли. Мое мужество мгновенно улетучивается, а боль в ноге затмевается страхом и адреналином. Фонарик моего телефона освещает сначала деревья, которые, кажется, наклоняются к нам, а затем Аида, остановившегося прямо передо мной. При свете телефона маска придает ему особо зловещий вид, и я чувствую себя странно уязвимой без своей. Пока он наклоняется, чтобы поднять мой клатч, я рискую оглянуться через плечо и вижу человека в красной маске, который крепко прижимает меня к себе. Ухмыльнувшись, он наклоняется и проводит носом по моему уху, отчего по всему телу пробегают мурашки, и я вздрагиваю.

— Кора Синклер, — Аид показывает мне мое удостоверение личности, а затем начинает просматривать его. — Зачем ты здесь?

— Я пришла посмотреть...

— Почему ты в моем городе, Кора Синклер? — спрашивает он, сузив глаза и сжав губы в тонкую линию. — Одеты ты, как обычно приходят в «Олимп», — подойдя ближе, он окидывает меня более критичным взглядом. —

Поношенное платье и пластиковая маска. Ты знала, во что ввязываешься?

У меня складывается впечатление, что обычно ему достаточно задать вопрос один раз, и люди с готовностью повинуются ему. А в моей ситуации — с человеком в красной маске прямо за спиной и Аполлоном, одному богу известно где, — я должна быть одной из таких людей.

Но моей слабостью всегда была глупость. Глупость не сдаваться, когда следовало бы, поэтому я продолжаю хранить молчание. Кроме того, платье не такое уж и поношенное.

Я стискиваю челюсть, и человек в красной маске усмехается.

— Она мне нравится. Может, нам стоит оставить ее себе?

Похитить меня?

Аид качает головой и подходит ближе, дергая меня за прядь темных волос.

— Расскажи мне.

Я смотрю мимо него, радуясь, что изменила свою внешность перед отъездом из дома, потому что, если он так пристально разглядывает меня, чтобы запомнить, как я выгляжу, его ждет разочарование. Это не настоящая версия меня, а просто еще один слой, иллюзия, которую я создала, чтобы защититься.

Он тянет мои волосы сильнее, и я вздрагиваю.

— Я приехала ради стипендии в СФУ — университете Стерлинг Фолс.

Мне неприятно, что я признаюсь ему в этом, сдаваясь только потому, что он прикоснулся ко мне. Или возможно, я сдаюсь по другой причине? Например, потому что инстинкт самосохранения наконец-то дает о себе знать.

— В следующем году меня ждет полная стипендия.

Воровка

— Слушай меня очень внимательно, — он накручивает мои волосы на пальцы, заставляя наклонить голову, почти причиняя боль. — Ты совершила ошибку, придя сюда, ведь мы не даем второго шанса. Итак, ты собираешься уехать из Стерлинг Фолс, потому что здесь тебе делать нечего.

Отпустив мои волосы, он засовывает мое удостоверение в передний карман своих брюк. Удостоверение личности, в котором указано мое имя и домашний адрес моих родителей. Части моей личности, которые я не могу изменить: рост, дата рождения, цвет глаз.

Мой желудок сводит, и я прикусываю язык. Рот наполняется медным привкусом крови, отчего тошнота усиливается.

— Я пока придержу это у себя, — ухмыляется Аид. — Просто на случай, если ты решишь кому-нибудь рассказать о том, что видела, хотя в любом случае тебе никто не поверит. На данный момент Кору Синклер не существует.

Человек в красной маске за моей спиной отпускает меня, когда Аид проходит мимо. Мои колени подгибаются, и я падаю на землю, пялясь на экран своего телефона. Их шаги постепенно удаляются, пока в лесу не остаюсь только я. Но его зловещие слова продолжают звенеть у меня в ушах.

На данный момент Кору Синклер не существует.

Часть меня хочет верить, что это шутка и их влияние не распространяется так далеко, но они убили человека, даже не дрогнув. И он забрал мое удостоверение личности. Он знает мое имя и то, что я в этом городе из-за учебы.

Экран на моем телефоне мигает, а затем гаснет. Я остаюсь в темноте.